

"ПОТЕРЯННЫЕ НАХОДКИ" ГЕОРГА СТЕЛЛЕРА

В нынешнем году исполнилось 300 лет со дня рождения Георга Стеллера (1709-1746) - ученого-натуралиста, участника Второй Камчатской экспедиции, которой руководил Витус Беринг.

На Камчатке широко отмечается эта дата. В школах проходят книжные выставки и викторины, посвященные жизни и исследованиям ученого. В конце апреля в краевой научной библиотеке состоялись краеведческие чтения, посвященные Георгу Стеллеру. С докладами и сообщениями выступили сотрудники научных учреждений, краеведы, преподаватели вузов не только Камчатки, но и других регионов страны. Свои доклады прислали ученые и исследователи из Мюнхена и Фрейберга (Германия), Копенгагена (Дания), Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Хабаровска, Владивостока, Магадана и Южно-Сахалинска.

В ноябре состоится научная конференция "Сохранение биоразнообразия Камчатки и прилегающих морей", посвященная Георгу Стеллеру.

Публикуем рассказ о судьбе этнографической коллекции Стеллера.

* * *

Раскопки в бухте Командора, где провели зиму 1741-1742 гг. участники экспедиции Витуса Беринга, подходили к концу. Во второй половине дня на берег высадились группа моряков с пограничного корабля посмотреть историческое место. Археолог Геннадий Силантьев водил их между раскопами, рассказывая о героической зимовке мореходов пакетбота "Св. Пётр". Достигнув берегов Северной Америки, они при возвращении в Петропавловскую гавань из-за штормов и болезней вынуждены были пристать к неизвестной земле, оказавшейся необитаемым островом. Заканчивая экскурсию, Силантьев сказал:

- Ну, а теперь идемте со мной. Вы станете свидетелями еще одной находки...

Геннадий прыгнул в землянку, подчистил лопаточкой стенку траншеи. Обнажилась часть какого-то прямоугольного предмета. На осторожный стук предмет ответил легким глухим звуком.

- Слышите? Так может звучать только полый сосуд. Это или ларец, или сундучок. При расчистке лопата не дошла до него буквально несколько сантиметров.

Воображение рисовало шкатулку или сундучок с судовыми документами или бумагами самого командора! А может там содержались какие-либо еще ценные реликвии? Как бы то ни было, находка хранила тайну. И мы стояли у ее порога.

К месту раскопок позвали реставратора М. С. Шемаханскую. Осторожно, в едином монолите с землей она извлекла находку. Ее поместили на деревянную подставку и понесли в лагерь. Присутствующие гуськом потянулись за ним по тропинке.

- Когда переходил речку, балансируя на бревне, страшно боялся упасть в воду, - признался потом Силантьев.

Находка взбудоражила всю экспедицию. Темнело. Отложить расчистку до завтра? Но весь лагерь ждал результатов. Нетерпение было так велико, что решили немедленно приступить к "распечатыванию".

Разглядывая бугристый нарост на одной из сторон, участники раскопок высказывали предположение: не замок ли это? Но по мере того как находка освобождалась от земли, выявилась горловина. Потом открылся и весь предмет. Это был металлический анкерок - сосуд для питьевой воды или растительного масла.

Тайна исчезла на глазах. У многих появилось разочарование. Но оно вновь сменилось надеждой, когда продолжили расчистку. Сосуд был не пустой, в нем что-то находилось. Когда его, наконец, вскрыли, обнаружили две невзрачные костяные пластинки. Стали гадать: что бы это могло быть?

- Это же лабретки! - воскликнул кто-то. - Ну да, лабретки, украшение алеутов. Они вставляли их в проколотую верхнюю или нижнюю губу или в перегородку носа.

Одна лабретка была заостренной, длиной около шести сантиметров, другая с тупым концом, чуть короче. Сделаны они были из кости морского зверя. Когда находки показали исследовательнице культуры и быта алеутов Р.Г. Ляпуновой, находившейся в это время на острове, она обрадовано сказала: "Это ценнейшие находки. Ни в одном из наших музеев нет таких лабреток".

Но не только лабретки хранил сосуд. В нем находился небольшой обломок "чертова пальца". Так называли в народе минерал белемнит (окаменевшую в древности раковину моллюска), употреблявшийся врачами как кровоостанавливающее средство. Вдобавок на дне был довольно толстый слой сросшихся кораллов и небольших окаменевших раковин морских моллюсков, а также кусочек руды свинцового блеска.

Кому из участников экспедиции принадлежали эти находки? Не Стеллеру ли? И не следы ли это его этнографической коллекции, которую он собрал на американском берегу?

Адъюнкт Петербургской Академии наук Георг Стеллер был единственным ученым, участвовавшим в плавании к берегам Северной Америки.

Не думал, не гадал молодой натуралист, уроженец небольшого немецкого городка Виндсгейма, что судьба уготовит ему столь дальнее путешествие - от берегов Балтийского моря через европейскую часть России по неизученной Сибири до Камчатки, а затем через Восточный (Тихий) океан до неведомых берегов Северной Америки.

В семье Георгу Стеллеру (Штеллеру), в которой было десять детей, пророчили профессию священника - отец был органистом и дирижером хора в церкви. Но он увлекся естественными науками ботаникой, зоологией, медициной. Учился в нескольких университетах. Успешно сдав экзамены по ботанике, он получил право претендовать на кафедру в Берлинском университете. Однако желаемого места не нашлось. А энергичный, амбициозный характер жаждал деятельности. Дерзкий, начинающий ученый решил попытать счастья в России, где реформы Петра I открыли широкий простор для научных исследований.

Имея медицинские навыки, Стеллер устроился сопровождать раненых и больных русских солдат на корабле, идущем из Данцига в Кронштадт. Там его познакомили с архиепископом Новгородским Феофаном Прокоповичем, сподвижником Петра I, знатоком истории и любителем изящной словесности. Прокопович взял его врачом - "для пользования больных его служителей". Свободное время Стеллер отдавал наблюдениям в природе, сбору гербариев, описанию растений. Богатая библиотека Прокоповича и беседы с ним, способствовали совершенствованию знаний. Здесь же он успешно постигал русский язык.

Покровительство просвещенного архиепископа помогло Стеллеру получить должность адъюнкта натуральной истории в Петербургской Академии наук, где подбирали специалистов во Вторую Камчатскую экспедицию. В январе 1738 года он отправился в след за Берингом из Санкт-Петербурга на край земли.

Незадолго до отъезда он женился на Бригитте Елене Блеклер - вдове известного ученого, исследователя Сибири Мессершмидта. Стеллер надеялся, что она разделит с ним не только тяготы путешествия, но и будет помогать в работе. Но Бригитта не склонна была тратить свои годы на жизнь в далеком краю - в Сибири она уже побывала с покойным мужем. Она доехала только до Москвы, где было столько соблазнов, и осталась там. Предательство супруги, надо думать, оставило глубокую рану в душе натуралиста. Но кто знает, что пришлось бы ему испытать, окажись эта легкомысленная женщина рядом с ним в долгом и трудном путешествии.

Более двух с половиной лет добирался Стеллер до Камчатки. Одно только перечисление географических пунктов его маршрута поражает воображение. Нижний Новгород, Казань, Кунгур, Екатеринбург, далее Тобольск, Нарым, Томск, Енисейск... В Иркутске он задержался почти на год. Отклоняясь от маршрута, выезжает в Баргузинский острог на Байкале, в Селенгинск и Кяхту. И что примечательно: это были не просто переезды из одного места в другое. В Сибири он полностью отдается науке - собирает гербарий, составляет каталог птиц, изучает народную медицину, делает описание рек и рыб, неизвестных науке растений. Только в Прибайкалье он описал 1150 видов растений. Он неутомим, безразличен к быту, легко переносит лишения.

Руководители Академического отряда экспедиции профессора историк Герард Миллер и естествоиспытатель Иоганн Гмелин, с которыми Стеллер встретился в Сибири, высоко оценили его одержимость к научным исследованиям и огромную работоспособность. Вот как характеризует И. Гмелин Стеллера: "Поскольку в Сибири приходилось самому обустраивать свое жилище, он довольствовался очень малым... Он имел всего один горшок, заполнявшийся всеми продуктами, которыми он располагал. Готовил все сам и по обстоятельствам в его горшке находились суп, овощи и рыба. Он был всегда в хорошем настроении, и с ним необычайно легко было проводить время, поскольку он всегда был весел. При этом мы заметили, какой бы беспорядочный образ жизни он ни вел, в работе был пунктуальным и все выполнял неутомимо. Исследования были для него легки, и он мог работать целый день без пищи и питья, когда он рассчитывал на успех в своих научных занятиях".

Правда, и амбициозности у молодого ученого тоже было хоть отбавляй. Вскоре он поссорился со своим руководителем, не желая ему подчиняться. Позже И. Гмелин напишет: "Ему никто не смеет противоречить, потому что в противном случае навлечет на себя несчастье быть им преследуемым".

Это не помешало, однако И. Гмелину отмечать его положительные качества. "Мы остались при прежнем нашем решении предназначить г. Стеллера к тому, чтобы он, вместе с Крашенинниковым, о прибытии которого на Камчатку мы уже получили известие, привел к окончанию полное описание этой страны. Мы очень обрадовались, что этот даровитый человек достаточно показал, что он был в силах совершить такое великое дело и добровольно сам предложил себя к выполнению его... Мы могли сколько нам угодно представлять Стеллеру о всех чрезвычайных невзгодах, ожидавших его в этом путешествии, - это ему служило только большим побуждением...".

Сибирская одиссея Стеллера полна трудностей, опасностей, приключений. Огромные просторы, лютые морозы, бездорожье, комары и гнус. Зимой на санях, летом на

оленях через горы, на утлых суденышках по бурным порожистым рекам добирается он до Якутска, а 14 августа 1740 года прибывает в Охотск. Здесь он впервые встречается с руководителем экспедиции Витусом Берингом. И остается недоволен встречей. "Во всем принят не так как по моему характеру принять надлежало, но яко простой солдат и за подлого от него, Беринга, и от прочих трактован был, и ни к какому совету я им, Берингом призыван не был", - жаловался он в сенат.

В Охотске пакетботы стояли на рейде, шли приготовления к отплытию на Камчатку, дел было невпроворот. А тут поступили срочные бумаги из Петербурга, в которых капитан-командору вменялось в обязанность составить "обстоятельный отчет" сенату и адмиралтейств-коллегии о деятельности экспедиции. Загруженность делами, очевидно, не позволила Берингу уделить достаточно времени Стеллеру. Это было воспринято эмоциональным и заносчивым адъютантом, как пренебрежение к науке, а значит, и неуважением к нему. В будущем их взаимоотношения не раз будут омрачаться конфликтами.

Согласно инструкции руководителей Академического отряда, Стеллер должен был в Охотске и на Камчатке изучать и описывать "все до истории натуральной и политической касающееся, и чинить во всех местах... физические и метеорологические наблюдения", проводить этнографические исследования, вести географическое описание различных мест, руд, минералов, деревьев, трав, зверей, птиц, рыб.

Исследования на Камчатке велись еще до прибытия Стеллера на полуостров студентом Крашенинниковым, отличавшемся, по словам И. Гмелина, "особливым трудолюбием" и "отменным искусством". Более трех лет он уже провел в этом краю, десять раз пересек полуостров, изучая природные условия, пути сообщения, реки, горячие ключи, вулканы, растения, животный мир, жизнь и быт коренных народов.

В конце сентября 1740 года Стеллер на экспедиционном судне прибыл на Камчатку в Большерецк, где находилась научная группа. Его радужно встретил Крашенинников, который занимался обработкой материалов, собранных во время поездок по Камчатке. Ознакомившись с материалами, Стеллер с увлечением включился в продолжение исследований. В ноябре 1740 года он на собачьей упряжке отправляется к Авачинской бухте, где "имеется гора временами выбрасывающая из себя огонь". А затем совершает поездку на юг полуострова, собирает информацию от ительменов и русских о Курильских островах. Вернувшись в марте в Большерецк, он получает письмо от Беринга с предложением прибыть в Петропавловскую гавань. Предчувствуя заманчивое предложение, он помчался туда на собачьей упряжке. Беринг предложил ему участвовать

в экспедиции к берегам Северной Америки на пакетботе "Св. Пётр". Стеллер согласился. Его включили в экспедицию в качестве рудознатца.

Стеллер... "письменно объявил, что он в сыскании и в пробовании металлов и минералов надлежащее искусство имеет, чего ради... определили Стеллера взять с собой в вояж,- писал Беринг. - К тому же он, Стеллер объявил же, что в том вояже сверх того чинить будет по своей должности разные наблюдения, касающиеся истории натуральной, и народов, и состояния земли и прочего, и ежели какие руды найдутся, то оным Стеллером опробованы будут".

Возникшие недоразумения по выплате властями Большерецка жалованья сотрудникам Академического отряда вынудили Стеллера отправить Крашенинникова в Якутск для выяснения вопроса. Последняя встреча между ними состоялась 20 апреля 1741 года в Петропавловске, куда Крашенинников прибыл всего на десять дней. Он помог Стеллеру составить несколько официальных бумаг на русском языке, в том числе обращение к Сенату с предложением принять меры к улучшению положения ительменов на полуострове. Крашенинников уезжал с надеждой скоро вернуться. Однако судьба распорядилась по иному. Миллер и Гмелин оставили при себе талантливую сотрудника. И больше двум исследователям Камчатки не суждено было встретиться.

4 июня 1741 года пакетботы "Святой апостол Пётр" под командованием капитан-командора Витуса Беринга и пакетбот "Святой апостол Павел" под командованием капитана Чирикова вышли из Авачинской бухты на поиски северных берегов Америки. 20 июня во время шторма в тумане корабли разошлись и больше им не суждено было встретиться. Каждый из них шел своим курсом к берегам Америки.

Георг Стеллер с первых дней плавания на "Св. Петре" вел дневник. Благодаря его записям, а также воспоминаниям лейтенанта Свена Векселя, мы знаем подробности этого драматического похода. Никто тогда не мог предположить, что вместо четырех месяцев он продлится четырнадцать, а морякам пакетбота "Св. Пётр" предстоит тяжелейшая, на грани жизни, зимовка на необитаемом острове.

Своей увлеченностью наукой, Стеллер напоминает литературного героя Жака Паганеля из романа Жюль Верна "Дети капитана Гранта". Такая же страсть к познанию тайн природы, такая же одержимость в работе. Но если окружающие любили Паганеля за то, что он много знал и был доброжелателен, то к Стеллеру на корабле относились, по его словам, "саркастически". В этом во многом он был виноват сам, точнее, некоторые черты его характера (задиристость, неуживчивость, вмешательство во все дела)".

Еще перед выходом в море он успел переругаться с офицерами пакетбота. На корабле он дает советы по вопросам далеким от его профессии, чем раздражал мореходов.

Сначала его слова пропускали мимо ушей, его советами пренебрегали, что вызывало у него недовольство. Затем над ним стали подтрунивать, разыгрывать, а порой, не щадя самолюбия, просто издевались. ("Офицеры осмеивали все и отмахивались от всего, что говорилось теми, кто не был моряком".) Даже отношения со спокойным Витусом Берингом не ладилась. "Со множеством саркастических комментариев капитан-командор не принимал от меня ни малейшего совета", - замечает он в дневнике.

Но если по вопросам мореходства, как показали современные исследования, Стеллер во многом был неправ, то его наблюдения по вопросам естествознания, географии, этнографии были точны, а выводы логичны и подтверждены современными исследованиями. Но даже к его дельным советам не прислушивались, а его страстную устремленность увидеть, узнать, оценить воспринимали как чудачество.

Когда через полтора месяца плавания к берегам Северной Америки показалась земля, Стеллер, как истинный ученый, загорелся желанием высадиться на берег. Его не пускали, мотивируя опасностью встречи с туземцами. Стеллер вскипел от ярости. Столько лет готовиться к экспедиции, перенести столько лишений и невзгод в бушующем океане и не высадиться на берег? Ради чего же тогда шли?

Корабельному мастеру Софрону Хитрово поручили на большом боте "сыскать удобную гавань для стоянки". Другую группу матросов снаряжали для пополнения запасов пресной воды.

- Мы пришли сюда лишь за тем, чтобы увезти американской воды в Азию? - бросил Стеллер язвительную реплику.

Кое-кто из офицеров все же предложил включить неугомонного ученого в шлюпочную команду. Но снова последовал отказ.

- Вы отказываете мне в выполнении моих прямых обязанностей, - возмутился Стеллер. - Если я не смогу высадиться, то считаю долгом своим доложить об этом сенату.

Настойчивость натуралиста возымела действие. Капитан-командор разрешил отправиться на берег с доставщиками пресной воды. В помощь ему был придан его постоянный служивый Фома Лепехин. Чтобы сгладить неприятные моменты, решили в честь его отплытия сыграть на трубах. На что Стеллер замечает в дневнике: "Но я сам никогда не дудел в трубу и не ценю звуки труб в мою честь".

"Оказавшись на берегу под защитой единственного помощника, я сразу понял, что время слишком дорого, и постарался наилучшим образом использовать ситуацию, со всей возможной поспешностью направившись в глубь земли, чтобы проникнуть как можно дальше, и найти людей и их селения".

Стеллер прошел, как он пишет, с версту, когда обнаружил признаки людей. На берегу лежало корыто, выдолбленное из ствола дерева. В нем недавно готовили пищу с помощью разогретых камней, как это делали камчадалы. Рядом валялись кости и объедки мяса. По конфигурации костей он определил: то были кости не морских животных, а скорее, оленя. Кроме того, валялись остатки юколы - сушеной рыбы и большое количество раковин крупных моллюсков. В раковинах, как в чаше, находилась "сладкая трава" (борщевик), залитая водой. На Камчатке подобным способом делали сладкую воду и гнали вино. "Наверняка оба народа, живущие по разные стороны океана, когда-то общались между собой или имели единые корни происхождения", делает вывод Стеллер.

Недалеко от этого места был обнаружен костер, от углей еще исходило тепло. Рядом находилось деревянное огниво и трут - пучки сухого выбеленного солнцем мхоручейника. Было очевидно: огонь здесь добывают трением.

На поваленных деревьях виднелись следы тупых орудий, видимо, рубили каменным или костяным топором, как это делают на Камчатке. "Как бы там ни было, большинство американских предметов и изобретений идентичны камчатским либо азиатским или мало от них отличаются", записал ученый.

Через версты три Стеллер увидел тропу, ведущую в густой темный лес. Казаку Фоме Лепехину, которой был вооружен заряженным ружьем, он приказал: "Если столкнемся с людьми, без моих приказаний ничего не предпринимать". У самого Стеллера была лишь так называемая якутская пальма - широкий нож на длинной рукоятке, чтобы выкапывать корни растений и камни.

Вот и еще следы деятельности людей - многие деревья стояли с ободранной корой. Очевидно, жители запасались ею для обустройства жилищ.

Впереди тропа разъединялась на несколько узких. Они пошли по одной из них и вышли на поляну с прямоугольником скошенной травы. Откинув траву, Стеллер обнаружил замаскированное место. В прямоугольнике, выложенном камнями, оказалось покрытие из древесной коры на жердях. Под ним находился погреб. Стеллер спустился туда. В погребе лежали: лукошко из коры, наполненное копченым лососем, "сладкая трава" - борщевик, истрепанные растения, напоминавшие крапиву, связку прочных веревок из морских водорослей. И еще бросились в глаза стрелы. Они были окрашены в черный цвет и гладко выскоблены каким-то острым твердым предметом.

Стеллер взял с собой две связки рыбы, стрелы, деревянное огниво, трут, связку веревок из морских водорослей и отправил их с казаком к месту высадки для передачи на корабль, а сам продолжил обследовать остров, собирая неизвестные растения.

Среди ягодных кустарников бросилась в глаза необычайно крупная малина. И хотя она еще не полностью созрела, вкусом она обладала особым. (В Северной Америке эту ягоду ныне называют лососевая ягода). Но и знакомые ягоды - брусника, жимолость, шикша "имелись в таком же изобилии, как и на Камчатке", отмечает ученый в дневнике. "В особый реестр он занес потом 163 вида местных растений. Этот труд Стеллера хранится в архивах Российской Академии наук в Санкт-Петербурге и называется "Каталог растений в пределах шести часов в части Северной Америки наблюдаемых в году 1741 дня 21 июля, под градусом 59-м".

Из морских животных Стеллер отмечает тюленей, акул, китов, морских бобров (каланов). На суше встречались черные и рыжие лисицы, а из птиц – вороны, сороки и с десяток неизвестных видов, отличавшихся яркой расцветкой. Удачей ученый посчитал пеструю, с голубой грудью и хохолком птицу, подстреленную казаком по его просьбе для коллекции. Эта птица, впервые им описанная, известна ныне как хохлатая сойка Стеллера.

В одиночку натуралист прошел около шести верст, но дальше путь преграждал крутой утес, уходящий в море. Забравшись на вершину скалы, он увидел дым, поднимающийся с соседнего холма, поросшего лесом. Там были люди! Вот бы встретиться с ними! Он быстро пошел к месту высадки на берег с надеждой получить помощь от моряков. Но матрос привез с корабля обескураживающий ответ: "Немедленно вернуться на судно, иначе его не станут дожидаться, а оставят на берегу".

"Подготовка к достижению цели длилась десять лет, самому же делу было уделено десять часов", - с досадой напишет он в дневнике.

С собранными коллекциями он вернулся на корабль. Но даже кружка горячего шоколадного напитка, которым его угостил в знак поощрения капитан-командор, не могла заглушить его глубокого огорчения.

Остров, на котором побывал Георг Стеллер, моряки пакетбота назвали именем Св. Илии, как и первую увиденную гору Северной Америки (ее вершина возвышается на 5520 метров). Позже было установлено: остров носит местное название Каяк - по конфигурации он действительно напоминает эскимосскую лодку. И жителями его в те годы были эскимосы-чугачи.

Софрон Хитрово с командой побывал на соседнем острове. Людей они не встретили, но обнаружили жилище, пол и стены которого были из досок. С собой моряки привезли несколько взятых там предметов: деревянный короб, камень, о которой точили медный нож, пустотелый шарик из обожженной глины с погремушкой внутри (очевидно, детская игрушка), лопасть весла и хвост лисицы.

Этнографические предметы, собранные во время похода к берегам Северной Америки и составившие научную коллекцию экспедиции, оказались потерянными. Судьба их на протяжении почти двух с половиной веков была неизвестной. Некоторые историки полагали, что если не вся, то по крайней мере часть ее осталась на острове Беринга, где зимовали мореходы пакетбота "Св. Пётр". И только когда Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока организовал под руководством В.Д. Ленькова археологические раскопки на месте зимовки мореходов в бухте Командора, судьба потерянной коллекций стала проясняться.

Обнаруженный на месте землянок металлический анкерок, несомненно, использовался Стеллером для хранения некоторых предметов коллекции. Вспомним: с острова Стеллер переправил на корабль огниво, трут, раковины моллюсков, образцы древесной коры, куски морской капусты, две связки рыбы. Раковины моллюска обнаружены в железном сосуде. А сросшиеся с ними щеточки кораллов - не окаменевшие ли это щетинки мха? В землянках обнаружены также остатки лукошка из древесной коры и точильный камень, которые доставил на корабль Софрон Хитрово. Что же касается других находок в сосуде - костяных пластинок (лабреток) и кусочка свинцового блеска, то они могли быть получены от алеутов во время контакта экипажа с жителями Шумагинских островов. Сведения о таких украшениях содержатся в дневнике Стеллера. Алеуты на глазах экипажа раскрашивали лицо и одаривали моряков "своей косметикой". У некоторых через нос и губы были продеты "костяные палочки".

Стеллер был первым, кто привез сведения о контактах с алеутами – народности, обитающей на островах в северной части Тихого океана.

Он сделал описание их внешнего вида, украшений, одежды, лодок, высказал предположение об их родстве с камчадалами.

На месте одной из землянок археологи обнаружили каменную лампу-жирник. Слой нагара и обожженный фитиль свидетельствовали, что он использовался для освещения и отопления. Такие жирники были распространены среди жителей побережий как северо-восточной Азии, так и Северной Америки, Но кому принадлежала находка - алеутам Шумагинских островов или камчадалам, которые были в составе экипажа пакетбота - достоверно установить не удалось.

Среди двухсот находок, обнаруженных на берегу бухты отрядом Силантьева, было много интересных. Но особенно ценной и загадочной находкой оказался набор из шести небольших бронзовых стаканчиков, выточенных на токарном станке. Все стаканчики, словно матрешки, были вложены в основной большой стакан, закрытый крышкой. Ее

венчала фигурка коня, запряженного в санки. На каждом из стаканчиков нанесено определенное количество точек, указывающих величину его веса и объёма.

Находка была столь интересной, что споры вокруг нее продолжались в период всей экспедиции. Одни утверждали, что это личная артиллерийская мерка Витуса Беринга, другие - что это русский складной фунт, третьи - что это не что иное, как медицинские мерки. Тем более, что рядом с ней обнаружена склянка с остатками светло-коричневой мази.

Многие сходились на том, что мерки могли принадлежать Стеллеру. Ведь в некоторых публикациях утверждается, что в экспедиции он исполнял обязанности лекаря.

Судя по документам, в обязанности Стеллера на пакетботе "Св. Пётр" не входило медицинское обеспечение экипажа. Эти функции выполняли подлекарь М. Бетхе и лекарский ученик А. Коновалов.

Но хотя официально Стеллер и не числился врачом на корабле, он со своим беспокойным и отзывчивым характером не мог стоять в стороне от лечения моряков, видя, как они страдали цинготной болезнью. Тем более, что медицину он знал, изучал ее в университете, а в России лечил больных у архиепископа Феофана Прокоповича. По пути на Камчатку он сделал описание употребляемых лекарственных растений в Сибири. На Камчатке, пока готовилась экспедиция, он многое успел узнать о целебных свойствах местных растений, способах врачеваний у народностей полуострова. И во время похода на корабле "Св. Пётр", когда свирепствовала цинга, он, как человек сведущий в медицине, давал рекомендации, помогал больным. На корабле была аптечка, в ней было много всяких мазей, но не было лекарств от цинги и заболеваний дыхательных путей, которыми страдали моряки.

Но одном из островов, где умер первый из членов экипажа матрос Шумагин, Стеллер находит бруснику, шикшу, обнаруживает ложечную траву (щавель), горечавку и другие целебные травы, указывает на их противоцинготность.

Ученый советует командованию запастись противоцинготными травами. Но оно пренебрегло советами. Он с огорчением сообщает в дневнике: "...собираение растений было сочтено для лекарского помощника, подчиненного общему командованию, неподходящим делом и для матросов - лишним". Можно представить, как жалели потом на корабле, что не прислушались к советам натуралиста, видя, как успешно лечил он командора и других членов экипажа травами, собранными для себя.

Известно также, как пригодились ботанические познания ученого во время вынужденного пребывания экипажа на острове, названного потом именем Беринга. Ваксель писал: "Как только, однако, сошел снег, и из земли стали показываться зеленые

растения, мы стали собирать различные травы и варили из них чай. Большую услугу оказал нам при этом адъютант Стеллер, отличный ботаник, который собирал различные растения и указывал нам разнообразные травы".

Общая беда сблизила на острове людей. Стеллер и подлекарь М. Бетхе стали друзьями и даже жили в одной землянке. Так что вполне естественно допустить, что стаканчики-мерки принадлежали кому-то из них.

Были ли предметы оставлены или забыты, когда покидали остров, трудно сказать. Во всяком случае "потерянные находки" из этнографической коллекции Стеллера, обнаруженные на месте зимовки в бухте Командора, возвращают к давним событиям похода русских мореходов к берегам Северной Америки, служат документальным свидетельством первых контактов с жителями Алеутских островов.

Оказавшись осенью 1741 года на необитаемом острове, Георг Стеллер в невероятно трудных условиях, когда все силы были направлены на то, чтобы выжить, сумел продолжить исследования. Часто в одиночку он бродил по острову, наблюдал за животными, каждый день заносил в дневник сведения об особенностях природы неизвестной земли. За короткое лето 1742 года он описал на острове 218 видов растений. Любопытно, что ботаники в течении двух с половиной веков не могли превзойти это число. Такова была работоспособность и наблюдательность ученого.

Стеллер собрал сведения о морских зверях острова Беринга - котиках, каланах, сивучах, нерпах. Первым подробно описал образ жизни морской коровы. Это животное длиной 8-10 метров и весом до трех тонн напоминало спереди тюленя, а сзади рыбу. Оно питалось морской капустой и другими водорослями, за что ее прозвали капустницей. Мясо ее напоминало говядину, а жир обладал целебными свойствами. Морские коровы обитали только у берегов Командорских островов и совершенно не боялись людей. Описание морской коровы Стеллером оказалось единственным, поскольку через 27 лет после открытия она была полностью выбита промышленниками. Последний экземпляр её, как считают, был убит в 1768 году.

Вернувшись на Камчатку 26 августа 1742 года, Стеллер построил в Петропавловске избушку. Отсюда он вплотную занялся изучением полуострова, как и предписывалось ему руководителями Академического отряда. Он обследует окрестности, собирает гербарии, отправляется в поездки по селениям, беседует со старожилками, изучает обычаи и нравы камчадалов, В Большерецке он строит школу на свои средства, чтобы "обучать казачьих и иноземческих детей русской грамоте". В мае-июне совершает поездку на самый северный остров Курильской гряды Шумшу. Два года проходят в

разъездах, изучении и описании земли камчатской, ее гор, вулканов, рек, зверей, птиц и рыб. "Гистория Камчатская" - так называет он свой труд.

В начале августа 1744 года он отправляется в Охотск, а через год добирается до Иркутска. И здесь судьба преподносит ему сюрприз - втягивает в детективную историю, как в воронку, которая заканчивается трагически.

По доносу с Камчатки его арестовывают за незаконное освобождение 12 камчадалов, которые обвинялись в бунте. Расследование показало невиновность Стеллера. Ответ в Петербург нерадивые чиновники отправили с опозданием, и когда Стеллер добрался до Соликамска, его снова арестовали - нового указания из Петербурга не поступало. Объяснение, что власти Иркутска уже расследовали его дело и сняли обвинение, не помогло. Пока его везли назад в Иркутск, в Соликамск поступило распоряжение из столицы: "препятствий в продвижении Стеллеру не чинить". Вдогон отправили посыльного и на Иртыше его освободили. Но в дороге он простудился. В Тобольске его уговаривали остаться подлечиться. Но он спешил в Петербург, добрался только до Тюмени и там тяжелая болезнь окончательно сломила его - 12 ноября 1746 года он скончался.

Когда Стеллер приехал в Россию, ему было 25 лет. Через три года он был зачислен во Вторую Камчатскую экспедицию. В 32 года ученый отправился на корабле к берегам Северной Америки. А в 37 лет умер по дороге в Петербург. Но он успел оставить большое научное наследство - исследования о Сибири и Камчатке, записки о плавании к берегам Северной Америки, многочисленные статьи о растениях, о морских животных, о народных способах врачевания. Значительная часть этого наследия была включена в научный оборот. Во время работы С.П. Крашенинникова над книгой "Описание земли Камчатки" Академией наук было предписано использовать ценные наблюдения Георга Стеллера.

"Понеже профессор Крашенинников был в самой Камчатке и прислал описание оной в Академию, которое ему ныне надлежит пересмотреть вновь, и те места, о которых покойный адъютант Стеллер в "Описании" своем упоминает, а оно не в "Описании" оно Крашенинникова, то их внести либо в самый текст или сообщить оные в примечаниях с прописанием авторова имени", - указывалось в документе Академии наук от 1 марта 1751 года. Крашенинников исполнил предписание. В его книге имеется более 50 ссылок на исследования Стеллера.

- Первоначально труд Стеллера назывался "Гистория Камчатская", однако в 1774 году в Германии он был издан под таким же названием, как и у Крашенинникова -

"Описание земли Камчатки". Почему? - спросил я у доктора исторических наук Б.П. Полевого, автора предисловия к русскому изданию 1999 года.

- В Германии посчитали, что значение труда Стеллера преуменьшено в России. Руководители же Петербургской Академии наук считали, что в отдельном издании книги Стеллера нет необходимости, поскольку наиболее ценное опубликовано у Крашенинникова. Этим объясняется, что в России работы Стеллера публиковались лишь в сокращении. И только в 1999 году труд Стеллера "Описание земли Камчатки" в полном объеме впервые издан на русском языке. И что характерно - издан на Камчатке, исследованию которой ученный посвятил более двух лет.

Сравнивая книги Крашенинникова и Стеллера, приходишь к выводу: в одних вопросах Стеллер получил ценные сведения от Крашенинникова, в других - Крашенинников использовал сведения Стеллера. Но нетрудно заметить: по главным вопросам оба ученых придерживались примерно одинаковых взглядов, подчеркнул ученый-историк. В итоге обе книги обогащают читателей обширными знаниями.

Еще одна книга, опубликованная в полном объеме в конце XX века - Дневник Стеллера о плавании к берегам Северной Америки.

В октябре 1991 года на Аляске мой друг, врач и фотограф-натуралист Марк Ньюмен познакомил меня в Анкоридже с профессором Отто Фростом. Известный американский ученый был одним из организаторов юбилейной научной конференции, посвященной 250-летию открытия Аляски Берингом и Чириковым. Узнав, что в 1981 и 1991 годах я был на острове Беринга во время проведения там археологических раскопок, он заинтересовался моими фотографиями и подарил мне "Дневник Стеллера", изданный в 1988 году Стенфордским университетом. Доктор Фрост был не только одним из переводчиков Дневника, но и его редактором, автором предисловия и подробных комментариев. Доктор Фрост установил место высадки моряков на остров Каяк, уточнил названия племен, обитавших в тех местах. Этот "Дневник плавания с Берингом к берегам Северной Америки 1741-1742" переиздан в 1995 году в Москве доктором исторических наук А.К. Станюковичем, участником раскопок на острове Беринга.

Научное наследие Георга Стеллера доступно ныне широкому кругу наших современников. Актуальными и в XXI веке остаются его слова, записанные в дневнике более двух с половиной столетий назад: "Лишь при взаимной и истинной гармонии интересов и действий людей при отсутствии особых умыслов и корысти малое начало может перерасти в великое предприятие, а скромный аванс быть вознагражден тысячекратно".